

типовъ русскаго народа. Наблюдатели, обращающіе вниманіе на эту сторону вопроса, отмѣчали здѣсь чрезвычайно любопытные этнографическіе факты—различныя степени обрусѣнія инородцевъ, пути и способы превращенія одного племени въ другое, обратное воздѣйствіе инородческой стихіи, когда напр. русскіе въ сношеніяхъ съ инородцами сами усвоивали ихъ обычаи и даже языкъ (напр. якутскій въ Сибири, киргизскій въ Средней Азіи, даже финскій и шведскій въ Финляндіи и т. п.). Антропологическое изученіе тѣсно связано съ этнографическимъ: первобытная раса отражается не только во внѣшнихъ признакахъ, формациі тѣла, чертахъ лица, но и въ складѣ характера, живости или вялости, смысленности или тупости, смѣлости или робости и т. д.; видоизмѣняется языкъ, обычаи, гдѣ падаетъ старое, возникаетъ новое и т. д.

Въ послѣднее время ссылки на народъ, на его міровоззрѣніе, на глубокий общественный смыслъ послѣдняго, стали такимъ распространеннымъ пріемомъ, что къ нему прибѣгаютъ даже люди партій, на дѣлѣ очень мало заинтересованныхъ народнымъ міровоззрѣніемъ и народнымъ благополучіемъ. Эти ссылки остаются обыкновенно совершенно произвольными и бездоказательными: по однимъ, народъ думаетъ то, по другимъ — другое. Болѣе или менѣе правдивая картина народнаго міровоззрѣнія опять можетъ быть дана только обширнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ: изслѣдованіе этнографическое становится нравственной обязанностью общества, и взаимно можетъ сослужить важную службу вопросу социальному.

Въ настоящую минуту усиленное этнографическое наблюденіе было бы необходимо и по другому соображенію.

Этнографы давно обратили вниманіе на исчезновеніе стараго обычая. Дѣйствительно, рѣдко народъ живетъ въ китайской неподвижности; у насъ этой неподвижности никогда не было, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ наша историческая жизнь была вдвинута въ новую колею, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ можно было бы наблюдать упадокъ обычая, въ которомъ жило поколѣніе предъидущее. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ наблюдатели народнаго быта говорили уже о быстромъ исчезновеніи обычаевъ, преданій, пѣсенъ, и о необходимости собирать ихъ, пока они совсѣмъ не пропали. И дѣйствительно, пѣсни и обычаи исчезали, хотя повидимому въ тѣ годы, въ николаевскія времена, никакая особенная новизна не нарушала старыхъ порядковъ быта. Нельзя не замѣтить, что новѣйшіе сборники уже не приносили тѣхъ, нерѣдко прекрасныхъ, пѣсенъ, какія находятся въ старыхъ